

Н. Бораненков

Тринадцатая рота

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н11

Н11 **Н. Бораненков**
Тринадцатая рота / Н. Бораненков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 421 с.

ISBN 978-5-458-23084-1

ISBN 978-5-458-23084-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ся. Эти люди в часы и в дни, а то и в недели фронтового за-тишья живут как все, как все люди! И смеются. И влюбляются. И рассказывают анекдоты. И любят — да еще как любят! — все смешное, все утрированное, все, что хотя бы на миг отвлекало их от неотвратимого завтрашнего дня с его канонадой, атаками, кровью... смертями.

Впрочем, падо набраться не только мужества, показывая бы-товую сторону боевой жизни, но надо еще иметь и дарование для того, чтобы через все страхи войны увидеть нечто такое, что за-ставило бы человека от души повеселиться, посмеяться над вра-гом. И еще надо знать войну, созерцать ее не из окошка мирного дома, а из окопа переднего края, из смотровой щели танка, из прицельной прорези пулемета или автомата. Только зная досто-верно, что такое война, человек может достоверно описать и эпи-зоды, где прозвучит смех.

И вот перед нами книга того, кто видел войну из окопа пе-реднего края в течение четырех лет. Книга бывшего солдата, по-литработника и автора четырех романов: «Гроза над Десной» — это о партизанах Брянщины (Н. Бораненков уроженец Брянской области. В селе Липове он родился, учился, отсюда ушел на фронт); «Птицы летят в Сибирь» — о замечательных парнях и де-вuschках, прокладывающих железный путь через ущелья и скалы Саянских гор; романтическое повествование о русских солдатах в последние дни войны «Вербы пробуждаются зимой»; «Белая кали-на», где мы знакомимся с любопытными историями из жизни се-годняшней деревни.

И наконец, тот самый сатирический роман «Тринадцатая ро-та», о котором идет речь. Двадцать семь лет работал над ним Ни-колай Бораненков. Да еще ему понадобилось, как сказано, четыре года переднего края, чтобы, придя домой, положить перед собой чистый лист бумаги и написать название романа, быть может придуманное в промежутке между двумя атаками. Что же про-изошло на фронте с героями произведения?

Тринадцатая рота мирных строителей оборонительных рубе-жей в первый же день войны оказалась на западной границе в окружении. Тяжелое положение сложилось у людей. Ни оружия, ни боеприпасов. Свои части отошли далеко на восток... И тогда оставшийся за командира роты старшина Иван Бабкин, он же Гуляйбабка, создает так называемое «Благотворительное едине-ние (общество) искренней помощи сражающемуся Адольфу» БЕИПСА, и под этим знаменем рота отправляется вслед за фа-шистской армией на восток.

Много острых, комических приключений происходит на дальнем пути — в Полесских болотах, на Смоленщине, в Вязьме, под Москвой, в Брянских партизанских лесах... Много разных типов повстречалось смелым, находчивым бойцам тринадцатой роты. Гауляйтеры и гебитскомиссары, генералы вермахта и обер-фельдфебели, старосты и полицаи... Одни только похождения фашистского интенданта генерал-майора от инфантерии фон Шпица, решившего разбогатеть на спекуляции обмундированием с убитых, вызывают столько иронии и смеха! А шеф гестапо Поппе, дошедший до помешательства со своими подозрениями и поисками заговорщиков против фюрера?

Конечно, вермахт был большой силой, и нам нет смысла приносить боевые качества нашего бывшего лютого врага. Принося силу вермахта, мы тем самым принизили бы великое историческое значение нашей победы над теми, кто хотел создать в Европе «новый порядок», порядок Освенцима, Равенсбрюка, газовых печей и душегубок, гестапо и зондеркоманд.

Да, полно было в армии третьего рейха всякой гнуснейшей мерзости! Да, на тысячи считает история войны насильников, извергов, хваставшихся своей «расовой полноценностью», опиравшихся на подлецов и шкурников вроде старосты Песика. Но и то верно, что в огромной армии фюрера бесспорно были не только умелые командиры, но и честные люди, попавшие в вермахт просто в силу подчинения приказу и страдавшие от того, что совершалось на их глазах. И автор с большим тактом представляет нам немецких парней, попавших туда, где их ждала бесславная смерть и тотальное поражение вместо обещанного тотального разгрома «колосса на глиняных ногах». Такими мы видим в романе, в частности, начальника полевой почты майора Штемпеля, начальника полевого лазарета профессора Брехта, зло обманутого солдата Фрица Карке. «Пройдет время,— говорит один из героев «Тринадцатой роты»,— и весь мир убедится, что их поход на СССР был не чем иным, как величайшей, несусветной глупостью». И это так. В этом теперь уже убедились все. Идея порабощения героического советского народа, руководимого великой Коммунистической партией,— это бред сумасшедших. Но, к сожалению, эти сумасшедшие еще не перевелись и разоблачать их, жечь огнем сатиры, как это очень хорошо делалось в годы войны,— благородная задача писателя, актуальная и сейчас — в мирные дни.

Сатира вообще вещь уязвимая. В ней нередко встречаются передержки, отход от реального. Не все гладко и в сатирическом романе Николая Бораненкова. Местами он слишком увлекается смешным. Но суть дела, главная заслуга автора в том, что он на-

чисто истребляет врага своим злым смехом и зовет всех честных людей к бдительности и преграждению дороги новоявленным фюрерам, претендентам на чужие земли.

«Убей человека смехом» — есть такая поговорка. Своих злощастных героев Н. Бораненков разит смехом намертво. И делает это очень тонко и хорошо!

Ник. ВИРТА

часть первая

1. НА ГРАНИЦУ НАДВИГАЮТСЯ ТУЧИ ОРДЕРА АДОЛЬФА ГИТЛЕРА

В ночь под двадцать второе июня тысяча девятьсот сорок первого года непобедимому немецкому генерал-фельдмаршалу фон Боку — командующему группой армий «Центр» на Восточном фронте — перебежала дорогу черная кошка. Это увидели солдаты пятой пехотной роты сто пятого пехотного полка доблестной сто восьмой егерской дивизии и тут же изловили подлую и вздернули ее на осинке.

Фельдмаршал разгневался. В его распоряжении пятьдесят отборных дивизий! Тысяча пятьсот танков! Девять тысяч стволов артиллерии и минометов! Тысяча шестьсот семьдесят новейших самолетов!!! Ни одной роты пешком. Войска готовы одним ударом сокрушить на центральном направлении части Красной Армии и с ходу взять Минск, Смоленск, Москву. Как же посмели поверить какой-то паршивой кошке и усомниться в успехе предстоящей операции?! Какому идиоту пришла в голову чушь такая?!

Командир пятой пехотной роты лейтенант Жвачке был немедленно разжалован в фельдфебели. Солдаты, казнившие кошку, выведены с первого эшелона и отправлены в штрафной батальон резервного корпуса. Командиру полка майору Нагелю сделано строгое замечание и предложено «лично поднять боевой дух солдат до кондиций фюрера».

Еще пуще разгневался фельдмаршал, когда узнал, что в той же самой злополучной пятой роте один из солдат вовсе не подготовлен к войне с Россией. У него не оказалось ни оружия, ни боеприпасов и, как доложил инспектор Румп, «нет даже котелка»... И это в армии центрального направления! В армии фон Бока, где к наступлению подготовлено все до последней иголки и бляхи!

Сто пятый пехотный полк располагался рядом с наблюдательной вышкой группы войск. У фельдмаршала после приема командующих армий появились свободные минуты, и он, желая глубже разобраться в происшествии, направился в роту сам.

...Солдата, не готового к войне с Россией, представили фельдмаршалу тут же. Это был здоровенный, долговязый, с рыжими бакенбардами детина, мешковато одетый в суконный зеленый френч и желтые яловые сапоги, рассчитанные на переход от Волыни до Урала. На голове у него покоилась французской булкой облинявшая пилотка со знаком дивизии — головой барапа. Кожаный ремень с оловянной пряжкой сбился набок. На нем болталась зачехленная фляжка. В ней что-то булькало.

Сокрушая сапогами чернобыл, солдат подошел к сидевшему в соломенном кресле фельдмаршалу и, стукнув каблуками, выпалил:

— Господин фельдмаршал! Рядовой пятой пехотной роты сто пятого пехотного полка сто восьмой егерской дивизии по вашему приказу явился!

Фельдмаршал еще раз посмотрел на солдата, на лице которого лежала печать беспечности, и в упор спросил:

— Где ваше оружие, рядовой Карке? Почему вы не готовы к походу? У вас, черт возьми, даже нет котелка и ложки.

— Я был отпущен на свадьбу, господин фельдмаршал.

— На свадьбу? Чью свадьбу?

— С разрешения господина майора Нагеля я вступил в брак с баваркой Эльзой Брутт.

Фельдмаршал, за спиной у которого стояли вытянувшись офицеры разных чинов и рангов, улыбнулся:

— Свадьба накануне вторжения в Россию — это великолепно! Поздравляю! Но почему вы, Фриц Карке, дотянули вашу свадьбу до последнего дня? Вы могли жениться гораздо раньше.

Карке вытянулся:

— Как истинный патриот Германии, я, господин фельдмаршал, счел интересы фюрера и рейха превыше личных и потому водил невесту за нос, то есть оттягивал свадьбу. Я бы, может, оттягивал ее и дальше, но одно обстоятельство помешало тому, господин фельдмаршал.

— Какое же обстоятельство?

Краснея до ушей, Карке доложил:

— Месяц назад, господин фельдмаршал, в комнате моей невесты поселился на квартиру бывший штурмовик Отто. Мне стало известно, господин фельдмаршал, что он по почам начал посматривать за штору, где спит моя невеста. Это мне очень не понравилось, господин фельдмаршал. К тому же и она стала поторапливать меня: мол, если я немедленно не жешюсь на пей, то она позволит этому нахалу Отто смотреть на пее сколько ему угодно.

Фельдмаршал встал, обернулся к обер-лейтенанту Дуббе — новому командиру пятой роты.

— Выдать ему, — фельдмаршал кивнул на застывшего столбом Карке, — оружие и боеприпасы. Этот солдат пойдет за фюрера в огонь и в воду.

Фрица Карке вооружали к войне с Россней перед строем всей роты. Оружие ему вручал лично сам командир полка майор Нагель.

— Славный солдат рейха, — взяв из ящика автомат, заговорил майор Нагель. — От имени фюрера я вручаю вам это оружие и надеюсь, что вы пойдете вперед без страха и сожаления.

— Я так и сделаю, господин майор! — вытянулся Карке. — Ибо страха у меня нет и жалеть мне нечего, разве только бедняжку Эльзу, которая меня очень любит.

Майор пропустил эти слова не в меру говорливого солдата мимо ушей и продолжал:

— Славный солдат рейха! Я вручаю вам от имени фюрера вот этот котелок для русских щей, губную гармошку для увеселения в походе и самое главное вдохновляющее средство — ордер на сорок семь десятин русской земли, которую мы завоюем. Рады ли вы, солдат Карке?

— Так точно, господин майор! Рад до слез. Я, господин майор, еще в пеленках чувствовал, что мне тесно и чего-то не хватает. И вот теперь, получив этот ордер, мне стало как-то сразу просторно. Вот только одно меня беспокоит, господин майор.

— Что же?

— Хотелось бы знать, господин майор, где мне отмеряют эти сорок семь десятин? В ордере этого что-то не указано.

Майор Нагель почесал указательным пальцем гладко выбритую щеку.

— Да, точного места, где вам будет отведена земля, в ордере не указано. Это не пужно. Фюрер разрешает вам

выбрать землю самим. Где угодно: на Украине, в Белоруссии, можно и на Урале.

— Благодарю вас, господин майор, — поклонился Карке. — И позвольте спросить еще.

— Пожалуйста.

— А как быть, если меня убьют, то есть если я погибну во славу фюрера? Сможет ли эту землю получить моя любящая Эльза?

— Да, сможет. Это предусмотрено. Землю в данном случае будут обрабатывать русские рабы. Их у вашей супруги будет не менее ста. Удовлетворены?

— Так точно, господин майор! Удовлетворен, только вот...

— Что вот? — спросил, хмурясь, майор Нагель. Он начал злиться. Одернуть бы за непозволительную вольность рыжего балбеса. Но... ему ведь оказал внимание сам фельдмаршал! А рыжий балбес, словно зная деликатное положение, в которое попал майор, продолжал:

— Я глубоко извиняюсь, господин майор, что отрываю вас в эти ответственные минуты от срочных дел, но мне хочется уточнить лишь одну последнюю деталь.

— Говорите же, говорите! — раздраженно сказал майор.

— Меня беспокоит одно, — переваливаясь с ноги на ногу, начал Карке. — Что будет, если меня вместе с ордером разорвет снарядом или бомбой?

— Не волнуйтесь. Свой ордер вы вставите в медальон, который не разрывается.

Майор Нагель обернулся к командиру роты:

— Выдать ему медальон! И фляжку шнапса! Хайль!

2. ДВЕНАДЦАТЫЙ ДОТ ТРИНАДЦАТОЙ РОТЫ. СВАТОВСТВО НА ХУТОРЕ ЖМЕНЬКИ

В тот час, когда в армии фельдмаршала фон Бока спешно вооружали пятисоттысячного солдата, на другом берегу седого Буга парни из Полтавы, Калуги, Выгонич, Рязани, Вязьмы, Конотопа завершали сооружение двенадцатого дота для встречи неожиданных гостей.

Дот на «Совьем острове», окруженном камышами, получился на загляденье — прочный, вместительный, с тремя «окошками», из которых открывался восхитительней-

ший обзор. На запад посмотришь — разлив реки как на ладони. На север взглянешь — камыши с ветлами. Полюбишься на юг — там полоса воды, а дальше перекатные поля в ромашках, васильках... Но лучше всего получилась панорама с тыла. Хотя высотка на острове и мала, как пуп, а вид с нее был дивно восхитителен. Сразу же за камышом катились волнами с горы на гору голубые льны, за льнами расплескались зеленые подсолнухи, и где-то там на горизонте, километрах в пяти от Буга, тонул в вишневых садах милый хутор Жменьки, а на хуторе том...

Старшина Иван Бабкин, командир рабочей роты и командант «Совьего острова», посмотрел на знакомые купы, синеющие в сумерках на горизонте, потом перевел взгляд на левобережье Буга и, обращаясь к своим друзьям по роте — Цапле, Трушину, Квасенко, хмуро сказал:

— Вижу я, хлопцы, пора мне засылать сватов к Марийке. Что-то слишком тихо стало на той стороне. Даже соловьи умолкли.

— Правда ваша, — тронул длинные обвислые усы Квасенко. — В такую тишину и спускают с цепи сатану. Давеча, колы я в погранзаставу ездив, слыхав, будто...

— Я тоже слыхал, будто поп на попадье пахал, — прервал ротного писаря старшина. — Ты скажи-ка лучше, где мне ушлого свата разыскать.

Квасенко заломил на затылок свою соломенную шляпу.

— Свата?.. Пфью яка зупинка! Да я вам, товарищови старшина, хуть саму царевну, хуть дочку сатаны сосватаю. На ридной Полтавщине я лично сосватав шесть дивчин, три вдовицы, две разведенки и одну стару бабусю. Коль позволите, ваша тринадцата буде.

— Моя не старуха, — поправил старшина. — Ей всего семнадцать.

— Знаю, товарищ старшина. После песен вашей Марийки соловьям тут делать нечего, — заговорил теперь порусски Квасенко. — Я уже не говорю о других ее достоинствах. Это в мою компетенцию не входит.

— Сват с таким опытом и красноречием мне как раз и нужен, — сказал старшина. — Но учтите, Квасенко, это у вас тринадцатое сватовство, да еще какое! Со сварливой мачехой Марийки и сам бес не стоворится.

— Будьте уверены, товарищ старшина, — вскинул руку к шляпе Квасенко. — И тринадцатое сватовство будет счастливым.

— Тогда по коням! Время не ждет. Из-за Буга порохом пахнет. Вы, товарищ Трушин,— обернулся к своему угрюмому заместителю старшина,— оставайтесь в роте за меня. Комбат приказал в воскресенье дать людям хорошенько отдохнуть.

...Всю дорогу, пока добирались до хутора Жменьки, ротного писаря не покидала уверенность в успехе сватовства, но, когда подъехали к знакомой белой мазанке, разрисованной зелеными цветочками, горшками и увидели за плетнем мачеху Марийки, тетку Гапку, стало ясно, что до счастливого сватовства так же далеко, как от границы до родной Полтавщины. Тетка Гапка была явно не в духе. Намотав на руку конец веревки и упираясь голыми пятками в раскисший после дождя глинозем, она отчаянно тащила из палисадника через калитку лопоухого теленка и сыпала по его адресу такие словечки, что писарь осадил коня и почесал за ухом:

— Вот так баба! Ай да Гарпина Христофоровна!

А Гапка, не обращая внимания на подъехавших верховых, продолжала сыпать как из решета:

— Ай, чтоб ты нарастелился! Чтоб ты сдох на этом месте! Чтоб тебя разорвали серые волки! Да идем же, идем, холера. Сжарить тебя на сковородке, съесть с тревухами, запить семью водами...

На крыльчке стояла невеста старшины белокудрая Марийка в короткой клетчатой юбчонке и красных сапожках. Ухватясь за живот, она звонко хохотала над бранными присказками своей мачехи. Увидев всадников, Марийка вскрикнула и, заслонясь локтем, упорхнула в хату.

Цапля и Квасенко спрыгнули с коней, подбежали к теленку, подняли его и выставили за плетень. Тетка Гапка рассыпалась в любезностях:

— Ах, спасибочко! От выручили бедну вдовушку. И как же вас попотчевать? Чем благодарить?

— Что вы, Гарпина Христофоровна,— взял под ручку сварливую мачеху Квасенко.— Какая благодарность? За что? Как же было не выручить такую очаровательную жинку! Да ради вас я готов поднять и самого слона.

Пухлые щеки тетки Гапки зарделись. В черных сливовых глазах ее вспыхнула нежность. Она готова была излить ее незнакомому усатому красавцу, как вдруг увидела недалеко под ракетами второго всадника — чубатого командира,— того самого командира, который в прошлую